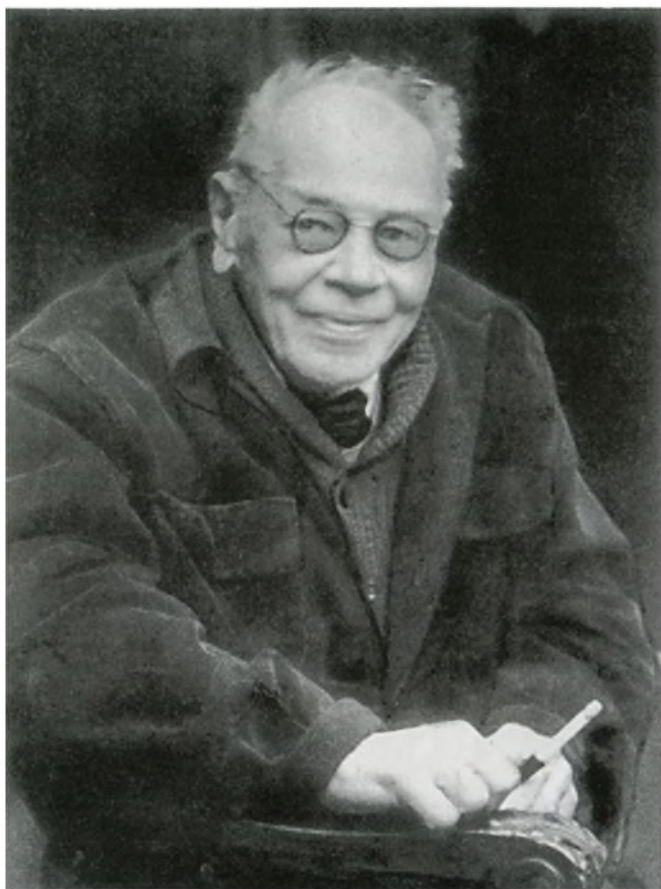

А. М.
ДЕМИЗОВ
СОЧИНЕНИЯ

А. М. Демизов

А. М. Ремизов. Париж. 1952 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.М. РЕМИЗОВ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ
•
ИВЕРЕНЬ

МОСКВА
• РУССКАЯ КНИГА •
2000

УДК 82
ББК 84Р
Р38

Руководитель программы **Михаил Ненашев**

Редакционная коллегия:

А. М. Грачева (главный редактор), **Т. Г. Иванова**, **А. В. Лавров**, **Н. Н. Скатов**,
О. П. Раевская-Хьюз, **Н. М. Солнцева**

Издание подготовлено при содействии **Б. Б. Бунич-Ремизова**, **Е. Д. Резникова**,
А. Д. Резникова

Подготовка текста «Подстриженными глазами», послесловие, комментарии,
приложение **А. М. Грачевой**

Подготовка текста «Иверня» **О. П. Раевской-Хьюз**, **А. М. Грачевой**

Послесловие, комментарии к «Иверню» **О. П. Раевской-Хьюз**

Подготовка именного указателя **И. А. Снеговой**

Техническая подготовка тома **О. А. Линдеберг**

Ответственный редактор тома **А. М. Грачева**

Оформление **Г. Л. Шацкого**

Ремизов А. М.

Р38 Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами.
Иверень. — М.: Русская книга, 2000. — 704 с., 1 л. портр.

В настоящий том Собрания сочинений А. М. Ремизова вошли его книги «Подстриженными глазами» и «Иверень», созданные в эмиграции в 1930—1940-е гг. Это произведения особого синтетического жанра, соединившего в себе черты романа, сказки и литературных мемуаров. В книге «Подстриженными глазами» рассказывается о детстве и юности Ремизова, колоритные картины московского купеческого быта конца XIX в. чередуются с фантастическими историями, размышлениями о судьбах русской литературы. «Иверень» посвящен годам юности писателя, когда он был увлечен идеями революционного переустройства мира, и одновременно — это рассказ о начале его литературного пути, о жизни литературной богемы. Книга «Иверень» впервые издается в России.

ISBN 5-268-00483-2
ISBN 5-268-00482-X

УДК 82
ББК 84Р

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Издательство «Русская книга»,
Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2000 г.
- © Грачева А. М., подготовка текста «Подстриженными глазами»,
«Иверень», подготовка приложения, послесловие, комментарии
к «Подстриженными глазами», 2000 г.
- © Раевская-Хьюз О. П., подготовка текста, послесловие,
комментарии к «Иверню», 2000 г.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МИРОВ В КНИГЕ А. РЕМИЗОВА «ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

Книга «Подстриженными глазами» — одно из самых удивительных произведений Алексея Ремизова. Она вся пронизана лучами добра и света и достойно занимает место среди произведений, являющихся, по сути, авторскими признаниями в любви. Адресатов этого чувства у Ремизова столь много, что для них оказывается мало одного мира. Используя знаменитое название, можно сказать, что ремизовское произведение — это книга о множественности миров, в которых расположены события, люди, существа и предметы, которых помнит и любит автор.

Книга «Подстриженными глазами» писалась долго, на протяжении 1930-х годов. Затем был перерыв, вызванный войной и самым трагическим событием в жизни Ремизова — смертью жены — С. П. Ремизовой-Довгелло. Окончательный текст был завершён в середине 1940-х, но авторская работа над ним продолжалась даже тогда, когда книга была уже в печати. 1 августа 1949 года Ремизов сообщал об этом в письме к своему другу и литературной ученице Н. Кодрянской: «Не могу отойти от исправления «Les yeux tondu» [«Подстриженные глаза» (*фр.*). — А. Г.] и продолжаю во сне»¹.

После появления «Подстриженными глазами» сразу же возникли вопросы по поводу столь странного названия, как будто противоречащего кажущейся «простоте» книги и точ-

¹Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 127.

но воскрешающего сюрреалистические кинематографические образы «Андалузского пса» Сальватора Дали. В этом плане характерна зафиксированная Ремизовым реакция его парижского знакомого — поэта и художника-сюрреалиста: «А сегодня <...> еще засветло появился Одарченко <...> и укорял меня зачем я назвал книгу Подстриженными глазами — “надо, чтобы всем понятно”¹. Надо помнить, что требование «понятности», «доступности» было постоянным критическим припевом, сопровождавшим Ремизова на протяжении всей его жизни. Однако зачастую происходило следующее: что оказывалось неясным уму рецензентов, то постигал сердцем «обреченный на непонимание» читатель.

Сам писатель дал четкое толкование названия и художественной концепции своей книги в рассчитанном на публикацию диалоге-«интервью» с Н. Кодрянской: «— Алексей Михайлович, что вы сами думаете: в каких ваших книгах нужно искать к вам разгадку? // — Не знаю, трудно самому решить, а все же пожалуй «Подстриженными глазами». В этой книге я обнажил себя до конца! <...> Мои «Подстриженными глазами» — этапы жизни. Попытка рассказать о себе. Я сам сюжет рассказа. <...> // — Многие недоумевают, что означает название вашей книги «Подстриженными глазами». Разное приходится слышать — зрение как бы подстрижено и сужен кругозор? // Это не так, — отвечает Ремизов, — я родился с глазами, а глаза даются по душе человека. Мои подстриженные глаза развернули передо мной многомерный мир лун, звезд и комет, и блестящие облака, аура вокруг живых человеческих лиц. Для простого глаза пространство не заполнено. Для подстриженных нет пустоты. // «Подстриженные глаза» еще означает мир кувырком, эвклидовы аксиомы нарушены, из трех измерений переход к четырем. Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни. // Если бы я не был слепой, я бы нарисовал вам композицию книги. // Запев — который я называю «Узлы и закруты» — увертюра, с возвращаю-

¹Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 222.

щимся мотивом: «И разве — могу — забыть я», и вся книга будет пронизана этим рефреном. Незабываемое от колыбели до тюрьмы. Тоже и встречи «случайно». В каждой «случайности» есть что-то по судьбе. Не зря явление из другого мира. Кто-то — я назову его «демон», я чувствовал, будет распоряжаться моей жизнью, — когда я делаю совсем не по своей воле и еще отбрыкиваюсь, а иду. <...> В «Подстриженных глазах» я рассказываю, как возникали одно за другим мои желания. <...> Также моя попытка дать объяснение события — поставить его в ряд других событий, противоположных по качеству и свойству <...> Я стараюсь ответить, что такое человек <...> И опять повторяю: я считаю, это дар быть на земле, это счастье, на которое я избран. И если и были какие-то беды, то была и радость»¹.

На самом деле название книги «Подстриженными глазами» восходит к повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». В автобиографической статье начала 1920-х годов Ремизов, отмечая природу своего «творческого глаза», писал: «Учусь и учился у Гоголя, его глазу, его подвижничеству и терпению. Вот несколько строчек из “Невского проспекта”, как изображать надо и что меня очень поразило: “<...> алебарда часового, вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами, блестела на самой реснице его глаз”»².

Итак, повторим слова автора о том, что он сам — сюжет своего рассказа. На первый взгляд, «Подстриженными глазами» — история жизни замоскворецкого жителя Алеши Ремизова; история, охватывающая временной период со дня его рождения и до 19 лет. Все реальное бытие героя протекает в Москве. «Подстриженными глазами» — одна из книг, созданных с огромной, нутряной любовью к древней столице. Москва — полноправный герой книги. Ее облик, размеренное течение жизни представлены с фактологической точностью, что делает книгу Ремизова весьма

¹К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 96—100.

²Статья опубликована: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. // Русский Берлин. 1921—1923. Paris, 1983. С. 180—181.

ценным источником по московскому краеведению¹. Колоритные обитатели Первопрестольной (купцы, фабричные, учителя, монахи, фокусники, иереи, тараканоморы) — так зримы, так плотски реальны, что подобны персонажам физиологического очерка, созданного в XIX веке каким-то последователем «натуральной школы» русской литературы. Но ремизовская Москва — не ретроспективная утопия, встающая перед глазами старого писателя-эмигранта. Она увидена «подстриженными глазами» Ремизова.

Подзаголовок к «Подстриженными глазами» — «книга узлов и закрут памяти». Он имеет первостепенное значение для понимания философско-эстетической концепции и художественной структуры произведения. Тема памяти — одна из магистральных для творческого самосознания Ремизова. Одновременно «память» принадлежит к основным категориям его философии истории. В самой книге читателю дан «ключ», с помощью которого открываются иные, «неэвклидовы» измерения ее художественного пространства. Таким «ключом» — знаковым кодом являются указания автора на имена, пользуясь его терминологией, «человеческих гениев» — писателей, философов, исторических личностей, которые помогли открыться его «подстриженным глазам». У Ремизова слово «гений» выступает в двойном значении — в привычном для нового времени и в первоначальном, восходящем к римской мифологии, где «гений» (греч. аналог — «демон») есть персонификация внутренних свойств человека, божество, рождающееся вместе с ним, руководящее его действиями, а после смерти человека бродящее близ земли или соединяющееся с другими божествами (вспомним рассуждения Ремизова о роли «демона» в процитированном выше его «интервью» с Н. Кодрянской).

Перечисляя имена своих «гениев», Ремизов отмечает: «Гете останется для меня первым среди первых; Тик, Новалис, Гоффманн, эти первые мои нерусские книги, кого я слушал и с кем разговаривал. На всю жизнь они станут мне самыми близкими и понятными. Я был полон тех же чувств; моим глазам открылось то же небо и та же зем-

¹См. использование книги Ремизова как одного из источников лингвоэнциклопедического словаря: Е л и с т р а т о в В. С. Язык старой Москвы. М., 1997.

ля, — то ли существо мое одной с ними сущности, и вот душа моя распускалась “голубым цветком”»¹. Кроме немецких литераторов, близких или являющихся представителями романтизма, Ремизов называет имена русских писателей, находившихся под влиянием философии и эстетики этого литературного направления (писатели «любомудры», Гоголь, Пушкин, Вельтман) или имена тех, чье творчество было связано с ним своими корнями (Даль, Лесков, Достоевский).

Ремизов, в юности прошедший школу французского, польского и русского символизма, в зрелые годы (начиная с середины 1910-х годов) обратился к творческому освоению художественного, философского и эстетического наследия славянофилов, а также писателей, опиравшихся на фольклорные традиции (Даля, Мельникова-Печерского, Лескова). Сюда же органично вписалось и его увлечение древнерусской литературой. Закономерно, что Ремизов, мысленно «пройдя по ступеням» аккумуляции новой литературой произведений народной культуры, в итоге обратился к эстетическим концепциям Гете и немецких романтиков. Как известно, их концепции были первоисточниками, на основе которых шло формирование постулатов русской эстетической мысли в областях, касающихся проблемы народности литературы, ее связи с национальным культурным наследием.

«Подстриженными глазами» — это история развития души автора. В этом плане очень важно упоминание о первостепенном значении для героя знакомства с трагедией «Фауст», в которой, как писал хорошо знакомый Ремизову исследователь Гете Рудольф Штайнер, «должно искать картину *внутреннего* развития души, и притом такого, как может изобразить ее *художественная личность*»². Рассказ о ремизовском герое начинается с истории о его кормилице, открывшей ему мир народного творчества, и с рассказа

¹Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 235. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

²Штайнер Р. Фауст Гете как изображение его эзотерического мировоззрения // Штайнер Р. Из области духовного знания, или антропософии. Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века. М., 1997. С. 12.

о его физических недостатках. Маленький, близорукий мальчик — это обитатель эвклидова пространства — Москвы конца 80-х годов XIX века. В трехмерном мире слабое зрение, малый рост и сломанный нос — «уродства», препятствующие исполнению желаний героя стать в этой наиреальнейшей из реальностей музыкантом или художником. Но в иной, романтической действительности вещная кажимость есть только иллюзия, скрывающая истину — духовную сущность. Сквозь все произведение Ремизова лейтмотивом проходит тема волшебных карликов, которым открыты чудные тайны. Это и всевозможные карлики немецких романтиков, и вагнеровский Миме, и Андвари, и карлик-монашек, и многочисленные маленькие дети — «цверги», и, наконец, это — фантастически всемогущий Н. А. Найденов, внешность которого полностью повторилась в облике его племянника. К этому же волшебному племени принадлежит и главный герой, но сначала он воспринимает это как признак ущербности и обделенности: «Величественный и грозный окружал меня мир. И все было так огромно, <...> и я чувствовал себя <...> загнаным карликом» (С. 34).

В свете романтической оборачиваемости мечты и действительности все «уродства» героя, и в особенности его главный недостаток (близорукость) предстают как чародейный природный дар, позволяющий ему свободно существовать в особом волшебном мире. Автор вспоминает о своем раннем детстве: «Не знаю, как сказать и отчего, жизнь моя была чудесная. Оттого ли, что я родился близоруким, и от рождения глаза мои различали мелочи, сливающиеся для нормального глаза, <...> или я сделался близоруким, увидев с первого взгляда то, что нормальному глазу только может присниться во сне» (С. 34). «Подстриженные глаза» открывают Алексею удивительный мир цветных «испредметных» — царство бесконечно превращающихся форм. Наделенность героя особым зрением корреспондирует с символизацией взгляда художника-творца («идеалиста») у немецких романтиков. Так, Йозеф Гёррес писал: «Непременный атрибут идеалиста — телескоп, с его помощью он проникает в бесконечность, пучки

световых лучей служат ему продолжением зрительных нервов, нежными волоконцами этих щупалец, стекающихся к глазу, а, исходя из глаза, пронизывающими своей незримой тканью просторы универсума, осязает он самые отдаленные миры, словно бы держа их в своих руках, он вовлекает вовнутрь себя самую даль. Он карабкается в пространстве от сферы к сфере, все туманящееся среди голубизны небес разлагает он на отдельные пятна, все отдельные пятна разлагает он на звезды, и в каждой разлагаемой им туманности он силой отнимает у царства теней все новые и новые миры. <...> Непременный атрибут реалиста — микроскоп, с помощью которого он получает костлявый остов красоты, раздирая на элементы видимость, которым окружена красота»¹.

По закону романтической антиномии возвращение к «нормальному» зрению (приобретение очков) воспринимается героем как величайшее несчастье — потеря ключа к вратам, за которыми лежат волшебные пространства: «Когда я надел очки, все переменялось: как по волшебству, я вдруг очнулся и уж совсем в другом мире. Все стало таким мелким, бесцветным и беззвучным — сжалось, поблекло и онемело; оформилось и разгородилось. <...> Не то солнце — моя неизбежная гроза! <...> не те звезды — погасли кометы! <...> а месяц — не те его лунные серпы <...> Если бы можно — да некуда! И бесповоротно! — не уйти и не скрыться от этого резко-ограниченного трезвого мира» (С. 70—71).

С утратой «подстриженных глаз» герой оказывается запертым в трехмерном пространстве, и его задачей становится поиск пути назад, в утраченные миры. В ремизовской книге динамика сюжета определяется не внешними событиями житейско-бытия юного обитателя найденовского флигеля, а внутренним изменением его души. Дальнейшее сюжетное развитие — это путь возвращения к исходной утраченной гармонии тела — души — духа. Это триединство уже не возникнет само собой — «природное» младенческое равновесие утрачено безвозвратно, но возможно

¹ Г е р е с Йозеф. Афоризмы об искусстве // Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С 178—179.

достижение нового гармонического равновесия после превращения героя в художника-творца, поэта, который один способен преодолевать пространство и время.

Книга Ремизова — это произведение о становлении писателя. И здесь художественная концепция ремизовского произведения напрямую связана с философской эстетикой немецкого романтизма, которой было присуще восприятие культуры как формы вечного, первозданного, истинного бытия, существующего вне категорий пространства и времени. Представление о таком бытии дано в книге Ремизова через пространную цитату из повести Новалиса «Ученики в Саисе»: «Тогда светила снова будут посещать землю, <...> тогда солнце отложит свой строгий скипетр и снова сделается звездой среди звезд, и все поколения мира снова сойдутся тогда после долгой разлуки. <...> тогда прежние насельники земли снова к ней возвратятся, в каждом холме зашевелится вновь затлевший пепел, всюду вспыхнет пламя жизни, <...> обновятся древние времена, и история станет сном бесконечного, необозримого настоящего»¹. Как и для немецких романтиков, для Ремизова художник-творец — это маг, способный проходить сквозь пространство и время, быть свидетелем и участником разновременных исторических событий. В книге «Подстриженными глазами» единое «я» героя-повествователя расщепляется на ряд своих собственных ипостасей, чьи голоса то перебивают друг друга, то вступают в диалог, то звучат единым сложенным хором. Среди этих ипостасей и «я» маленького Алексея, мучительно ищущего при помощи книг пути к прежнему утраченному счастью; и «я» пожилого писателя-эмигранта, хранящего память о мирах, многие из которых оказались темны и трагичны; и торжествующее авторское «я», чей творческий «гений» вольно существует в единении вечного с временным и свободно сливается с другими «гениями», парящими в параллельных пространствах своих временных координат — будь то момент пожара типографии Ивана Федорова, или миг огненной смерти протопопа Аввакума.

¹Н о в а л и с. Ученики в Саисе // Немская романтическая повесть. Т. 1. М.; Л., 1935. С. 118.

Развитие сюжета — это и серия явлений — встреч маленького Алексея с вестниками из иных измерений, которые в трехмерном пространстве принимают самые необычные облики, оборачиваясь то маляром, то святителем, то фокусником. Каждый из них дает Алексею особый знак, подчас такой парадоксальный, как плевок юродивого. Но все это — сигналы из того мира «подстриженных глаз», который ждет и манит исторгнутого из него героя.

В своей книге Ремизов не только щедрой рукой черпал из философской сокровищницы произведений немецкого романтизма, еще раз повторю, — основного философско-эстетического источника «Подстриженными глазами», но также творчески переосмыслял и дополнял идеи немецких романтиков сведениями, почерпнутыми из эзотерических учений XX века, и, в частности, учения Р. Штайнера. У Ремизова утопия уже не оторвана, как у романтиков, от исторической действительности, а существует параллельно с ней, хотя и не пересекаясь, поскольку они находятся в разных измерениях. И здесь большое значение имеет ремизовское представление, основанное на многих источниках, о великом мирообразующем и миротворящем значении Слова. Движение сюжета «Подстриженными глазами» — это и этапы овладения героем магией слова. В финале главы «Магнит» автор осмысляет этот процесс как магическое действие: «Шахматов всю свою жизнь притягивал слова и, размещая рядами, искал закон сочетания речевых звуков. Я всю мою жизнь притягиваю слова, чтобы на свой лад строить звучащие, воздушные, с бьющимся живым сердцем, мои словесные улады. Сила Грамматика и сила Музыканта таятся в этой красной подкове, неподъемной ни лошади, ни лошаку» (С. 202).

Финал ремизовской книги — слияние насильственно вочеловеченного волшебного существа со своей утраченной чудесной ипостасью. В изображении этого процесса Ремизов идет вслед Новалису, чей роман «Гейнрих фон Офтердинген» является мифологическим прототипом его книги. Как и Гейнрих Новалиса, ремизовский герой движется по кругам бездн и пропастей своей души, пока Любовь, лишь мелькнувшая на страницах этой книги в образе

исчезающей Белоснежки (соединение лейтмотива Любви с лейтмотивом «карлика» — вспомним название сказки — «Белоснежка и семь гномов»), не откроет вновь его «подстриженные глаза» и он увидит таинство «голубого цветка». Герой книги вновь обретает свои волшебные глаза — образ-символ его дара творца, писателя. Но он обречен на реальную жизнь, и лишь иногда, силой творческой фантазии может перемещаться в иные миры. Финал книги — осознание героем своей двойственной природы и трагического счастья земного существования: «Я как сказочная лягушка, как лебедь, у которых сожгли их шкурку, — вернуться в тот мир мне заказано до срока. Я принужден оставаться среди людей беззащитный. Какая неверная доля! И мое счастье — горькое счастье» (С. 301).

А. М. Грачева